

**Адмиралы М.П. Саблин, М.А. Кедров и Н.Н. Машуков как
организаторы эвакуации Белого Крыма в 1920 году**

Доклад был прочитан 16.11.2020 на научной конференции «100 лет Русскому Исходу» в г. Симферополь. Публикуется в рамках социально значимого проекта «Уроки Гражданской войны – Русский Исход 1920-2020», реализуемого НБФ «Наследие» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

Черноморским флотом, который занимался эвакуацией Белого Крыма, с середины октября 1920 года командовал адмирал Михаил Александрович Кедров. Это боевой военачальник, участвовавший в нескольких войнах. В 1917—1920 году он пребывал за рубежом, главным образом, в Лондоне. Там он, в частности, обеспечивал поставки силам белого движения. Им был накоплен колоссальный опыт общения с «союзниками» по Антанте, опыт своего рода административно-финансовой дипломатии, который очень пригодился при эвакуации. 21 декабря 1920 года, при прибытии последних кораблей в Бизерту, Кедров сдал дела и отбыл в Париж.

Начальником штаба у Кедрова был назначен деятельный умный, энергичный офицер Николай Николаевич Машуков, именно тогда, в октябре 1920 года, произведенный в контр-адмиралы. Николай Николаевич показал себя блестящим исполнителем, незаменимым помощником Кедрова. Дарования Машукова в полной мере проявились в Гражданскую войну – он рос в чинах быстро: в 1912 году получил лейтенантский чин, а уже через 8 лет – контр-адмиральский, притом продвижение его, при всей стремительности, было полностью заслуженным. Машуков показал на Черном море, в период Гражданской войны, необыкновенную энергию, отвагу и искусство.

¹Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 8.9153228016; volodih@mail.ru

Но всё же главным творцом успешной эвакуации являлся вице-адмирал М.П. Саблин – при всех несомненных заслугах Кедрова и Машукова.

В городе русской морской славы Севастополе немало памятников трудам и подвигам известных морских военачальников России. Нахимову, Корнилову, Сенявину, Казарскому, Кузнецову... Флотская цитадель помнит своих героев. Но одного памятника всё же, думается, там не хватает. Памятника человеку, который сражался в четырех войнах, пролил кровь на службе под Андреевским флагом, имел боевые награды, но памятен больше иным своим делом, а именно спасением Белого Крыма. Помяная имя его, следует обращаться к истории Великого Исхода не только как к трагедии, но и как к событию радостному, дарующему надежду. Ведь сколько людей тогда сохранили жизнь, избавились от смертельной угрозы, получили шанс заново устроить свою судьбу! Им досталась дорога трудная, полная лишений и нужды, но все-таки именно дорога, а не тупик, упирающийся в расстрельную стенку.

Вице-адмирал Михаил Павлович Саблин (1869—1920) принужден был заниматься подготовкой Черноморского флота к эвакуации Русской армии с Крымского полуострова и, скорее всего, именно он повел бы Русскую эскадру в Бизерту, если бы не тяжелое заболевание (рак печени), которое свело его в могилу накануне начала Крымской эвакуации. В списках на эвакуацию адмирал Саблин числился – это видно по сохранившимся эвакуационным документам – а значит, он надеялся отбыть из Крыма вместе со своими подчиненными. 12.10.1920 года Саблин был из-за болезни заменен М.А. Кедровым на посту командующего Черноморским флотом. Поэтому в ноябре 1920 года эвакуацию осуществлял уже Кедров, а М.П. Саблин скончался 17.10.1920 года и стал последним из морских военачальников, кто похоронен под сводами севастопольского свято-Владимирского собора, «собора адмиралов».

Приказ об эвакуации Белого Крыма был отдан 11.11.1920 года. Иными словами, весь период командования Черноморским флотом до начала

эвакуации составил у М.А. Кедрова менее месяца. Видимо, уместно говорить о том, что первые усилия по подготовке к эвакуации предпринял еще именно Саблин, который являлся (в очередной раз, после недолгого перерыва в полномочиях) командующим Черноморским флотом с апреля 1920 года (точнее, с 19.04/1.05.1920). Более того, можно с уверенностью утверждать, что ему принадлежит львиная доля заслуг по части подготовки флота к отбытию из портов Крымского полуострова.

Конечно, спасение огромной массы людей, покидавших Белый Крым, стало главным подвигом всей жизни Михаила Павловича. Однако судьба его в целом заслуживает почтительного внимания: это биография военного моряка, служившего достойно и не раз понюхавшего пороха в сражениях за отечество.

Михаил Павлович, как отмечалось выше, участвовал в четырех войнах (разгром «восстания боксеров» в Китае 1900 года, Русско-японская, Первая мировая и Гражданская войны). Получил ранение и едва не погиб в Цусимской битве (офицер эскадренного броненосца «Ослябя»). В годы Первой Мировой войны участвовал в боевых операциях (в их числе – известный бой с немецкими крейсерами у мыса Сарыч), был пожалован Георгиевским оружием за удачные действия вверенных ему минных сил против турок и германцев. В гибельную эпоху революционных переворотов Саблин оказался начальником штаба Черноморского флота, затем, после бегства адмирала А.В. Немитца в декабре 1917-го, стал и.о. командующего флота и, наконец, командующим. В период с 1918 по 1920 год вице-адмирал чрезвычайно много сделал сначала для сохранения Черноморского флота как боевой силы, а затем для восстановления его в рамках белого движения.

Прежде всего, он сумел весной 1918 года в условиях всеобщего хаоса, страшного революционного разложения, вывести боевое ядро флота из Севастополя в Новороссийск, поддерживать в нем порядок и даже осуществлять охрану города от самочинных реквизиций, откровенных грабежей и прочих бесчинств. Попыткам немцев подчинить себе

Черноморский флот, как и стремлению большевиков затопить его, М.П. Саблин энергично сопротивлялся. Летом 1918-го ради спасения флота адмирал вынужденно отправился в Москву, где посидел под арестом большевиков, бежал и на Черном море вновь появился весной 1919 года, при Деникине.

В сущности, на протяжении 1919-го и первых месяцев 1920 года вице-адмирал *воссоздавал Черноморский флот, уже умерший*, рассеянный, превращенный в руину, и воссоздал его чудом, мало того, довел до вполне боеспособного состояния. Именно он выпросил у союзников уведенные ими корабли, когда-то входившие в состав Российского императорского флота, организовал тотальный ремонт всего, что могло плавать под Андреевским флагом, осуществил набор команд и установил строгую дисциплину. Современники в воспоминаниях отмечают большую энергию, с которой Михаил Павлович взялся за дело. При его командовании флот активно участвовал в белой борьбе, без него некоторые операции сухопутных сил в принципе не могли бы произойти и, тем более, закончиться успехом.

Несмотря на несправедливые обвинения М.П. Саблина в «левизне», «сотрудничестве с большевиками» и «предательстве России», Михаил Павлович имел в среде военных моряков деникинского и врангелевского периодов весьма высокий авторитет как единственный человек, который способен адекватно командовать флотом в период всеобщей хаотизации, развала, воровства и скудости. Несколько раз он из-за интриг, смысл которых в общих чертах передан выше, терял пост командующего флотом, командная компетенция его значительно сужалась. В значительной степени жизнь и службу Михаилу Павловичу затруднял конфликт с А.В. Колчаком, начавшийся еще в 1916 году на почве несогласия по тактическим вопросам, - после того, как Колчак получил командование Черноморским флотом, где Саблин возглавлял Минную бригаду. Суть дела, вероятно, в столкновении сильных личностей, наделенных чертами харизматичного лидерства. Два

медведя в одной берлоге не уживаются... Именно этот конфликт во многом спровоцировал обвинения, посыпавшиеся на Саблина позднее.

Однако роль незаменимого командира и, быть может, последнего духовного лидера Черноморского флота вновь возвращала ему командование дважды. Г.К. Граф, в частности, пишет, что призывы к М.П. Саблину возглавить флот в критическое для него время (речь идет о весне 1918-го) были всеобщими, включая даже представителей матросских комитетов, порожденных революцией. По его словам, «все... говорили о необходимости единоличного командования, без всяких комитетов и комиссий, и что единственный человек, который должен быть назначен на это место, это – адмирал Саблин. Здесь, видимо, сказалась старая привязанность, уважение и глубокая вера в адмирала Саблина, которая существовала среди команд... задолго до войны». Позднее честность, сильная воля и авторитет в среде военных моряков точно также приводили Михаила Павловича, после незначительных перерывов, на пост главы Черноморского флота.

До какой степени М.П. Саблин был чужд левизны во взглядах, можно судить по его импровизированной речи, которую адмирал держал в 1918 году, когда его призвали спасти разваливающийся флот и он, приведя корабли в Новороссийск, оказался лицом к лицу со стихией матросских «советов» и прочих выборных учреждений. Эту речь передает Н.Р. Гутан – боевой офицер, Георгиевский кавалер, служивший тогда под командой Саблина: «Принимая власть... я, при поддержке команд, надеюсь привести суда в боеспособное состояние... Сейчас вот вы обратились ко мне и к офицерам, тем офицерам, которых вы расстреливали, унижали и оскорбляли. Офицеры эти, в количестве немногим более сотни, забыли все и, бросив все и даже свои семьи, ушли с вами, дабы спасти корабли. Вот как сильна в них любовь к России и преданность родному флоту. Так уважайте же и берегите своих офицеров. Сейчас вы сами видите, куда вас завели красные лозунги и фразы излюбленных вами революционных вождей, ваших кумиров. Наступила тяжелая минута, и ваших кумиров нет с вами. Где они?..

Покинутые ими, вы вновь обращаетесь ко мне – больному, изможденному старику, и просите спасти. Должен вас еще предупредить, что против офицеров и, в частности, против меня, будет вестись агитация; уже сейчас есть среди вас подлые гады, которые начинают свое дело, но вы должны сами вырвать их из своей среды. Да здравствует наша дорогая, истерзанная, несчастная Россия! Да здравствует славный Андреевский стяг!»

Власть над флотом Михаил Павлович принял тогда на жестких условиях. Вот они: полная отмена выборного начала; уход с кораблей всех, кто не желает подчиняться единоличной власти адмирала, которая будет осуществляться «на основании морского устава и законоположений военного времени», с правом отдавать под суд за провинности по службе и неисполнение приказов начальства; подъем на кораблях Андреевского стяга.

Как видно, «левым» Саблин никогда не был.

Позднее П.Н. Врангель высоко оценит деятельность Михаила Павловича. По его словам, «...энергичный и знающий адмирал Саблин, несмотря на необыкновенно тяжелые условия, полное расстройство материальной части, сборный, случайный, неподготовленный состав команд, сумел привести флот в порядок. Корабли подчистились, подкрасились, команды подтянулись. Материальная часть в значительной мере была исправлена, *в портах были образованы неприкосновенные запасы* (Курсив мой. – Д.В.)... Военные суда эскадры успешно вели охранную службу побережья, прикрывая наши операции. Производившиеся нами десанты были всегда удачны». Сохранившиеся документы подтверждают: при Саблине в Севастополе, Феодосии и Керчи создавались «оперативные запасы» угля и машинного масла – под эвакуацию; их считали неприкосновенными; видимо, на корабли заранее были также погружены неприкосновенные запасы продовольствия и медикаментов. Притом белый флот испытывал постоянную нехватку угля, машинного масла, нефти, продовольствия, и для их сосредоточения на будущее Саблину явно потребовалось проявить сильную командную волю.

Относительно же упомянутых десантов весны-лета 1920 года сохранился приказ главнокомандующего Русской армией от 26 августа, где, в частности, говорится: «Начиная с мая месяца нами был произведен ряд десантных операций. Операции эти протекали подчас в чрезвычайно трудных условиях, выгрузку и погрузку войск приходилось производить в дурную погоду, погружая людей и лошадей на баркасы и шлюпки под огнем береговых батарей противника... Считаю своим долгом отметить блестящую работу флота и принести глубокую благодарность Командующему Флотом адмиралу Саблину и всем чинам Флота за их беззаветную работу на славу Родины. Ура орлам русским морякам!»

Весной-осенью 1920 года, при Саблине, флот Белого Крыма состоял из 120 боевых кораблей и вспомогательных судов. Впечатляющий результат – после того, как Черноморский флот России оказался фактически уничтожен последовательными усилиями большевиков, германцев и англо-французских союзников в 1918-м!

Следует добавить к этому одно немаловажное обстоятельство: летом 1920 года Михаилу Павловичу удалось совершить своего рода военно-организационное чудо. Он сумел вывести основные силы флота как организованное соединение в Каркинитский залив, вести там боевые действия, в частности, обстреливать позиции войск РККА, и, кстати, именно тогда в первый и единственный раз вел стрельбу главным калибром новейший линкор дредноутного типа «Генерал Алексеев» (первоначально именовался «Император Александр III»). Всё это – несмотря на катастрофическую нехватку специалистов самого разного профиля, а также чудовищную дезорганизацию флота в предыдущий период. В 1919—1920 годах случалось, что на Черном море эсминец-«нефтяник» ходил с экипажем в 25 человек вместо штатных 111, крейсер I ранга – с командой в 202 человека вместо штатных 576, а линкор дредноутного типа управлялся четырьмя сотнями офицеров и нижних чинов при штате в 1220 человек. Вот характерный эпизод из воспоминаний белого офицера-моряка Я.В.

Шрамченко: «Было Вербное воскресенье², когда меня вызвал командующий флотом адмирал М.П. Саблин и сообщил, что Севастополь должен быть эвакуирован до четверга... он дает в мое распоряжение канонерскую лодку “Терец”, стоящую под крышей у стенки в Южной бухте [Севастополя]. Ни матросов, ни специалистов на ней нет, и я должен сам набрать себе команду хотя бы из мастеровых...» Или вот еще одно яркое свидетельство – от П.А. Варнека, военного моряка из белых: «После трех лет войны и революционной разрухи механизмы на кораблях были сильно изношены и ощущался большой недостаток в материальной части, пробелы, которые Севастопольский порт, разграбленный разными оккупантами, с его часто бастующими рабочими, не мог... упразднить... Не все было благополучно и с личным составом, где наблюдался недостаток в опытных обер-офицерах...» Но у Саблина всё это двигалось, стреляло, высаживало десанты, занималось разведкой, спасательными и эвакуационными действиями. А после Каркинитской боевой операции на Черноморский флот как будто опустилась ночь: в течении многих лет те корабли, которые не участвовали в эвакуации и остались в распоряжении красного командования на Черном море, не представляли собой сколько-нибудь серьезной организованной силы.

Мнения ряда специалистов о заслугах М.П. Саблина в период подготовки к эвакуации Русской армии и Черноморского флота, позднее обернувшейся Великим Исходом, звучат сходно: его деятельность на этом направлении оценивается высоко.

Так, биограф М.П. Саблина, историк В.В. Крестьянников подчеркивает: «Одним из первых распоряжений генерала Врангеля, учитывая неудачную эвакуацию войск с кавказского побережья и полный развал войск оказавшихся в Крыму, соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки в случае необходимости около 100000 человек в Константинополь. Для этого предполагалось распределить нужный тоннаж по предполагаемым портам

² 1919 года. Здесь речь идет о первой эвакуации Севастополя.

посадки. Это распоряжение было выполнено, что способствовало удачной эвакуации из портов Крыма в ноябре 1920 года». Другой историк, Г. Олтаржевский, аналогично говорит о заслугах Михаила Павловича в этом деле: «Главная его заслуга в это время — подготовка флота к эвакуации. Он реально оценивал ситуацию и заблаговременно приказал создать неприкосновенные запасы угля и масла на случай эвакуации. Корабли и экипажи были готовы и, когда наступил критический момент, им удалось организованно вывести из Крыма более 150 тысяч человек. Огромная заслуга в спасении этих людей от большевиков принадлежит Михаилу Саблину». Историк Белого дела А.С. Кручинин согласен с этими оценками: «...беспрецедентная Крымская эвакуация, -- пишет он, -- во многом была подготовлена трудами Саблина (в частности, им были заблаговременно созданы неприкосновенные запасы угля и масла на случай эвакуации), вновь “подтянувшего” Флот после тяжелой зимы 1919/1920 года. И спасение десятков тысяч чинов Армии и гражданских беженцев от большевицкой расправы стало еще одной, теперь уже посмертной заслугой адмирала».

Надо учесть, что в последние месяцы командования флотом М.П. Саблин работал в условиях, крайне неблагоприятных для процесса подготовки к эвакуации в целом. Во-первых, как писал сподвижник Врангеля, бывший государственный контролер Н.В. Савич, вице-адмирал Саблин командовал флотом, страдая от «страшного недуга», который «подтачивал его организм, лишал сил, энергии». То, что Саблин за несколько месяцев до кончины уже был приведен раком печени в тяжелое состояние, видно и по другим источникам. По оценке А.С. Кручинина «окончательно слег» Саблин «лишь в сентябре», т.е. незадолго до кончины, но терпел свою болезнь гораздо дольше. Во-вторых, в августе 1920 года Саблин находился в море и должен был уделять значительную часть своего времени и внимания непосредственному командованию отрядом кораблей, занимавшихся обстрелом Очакова и батареей красных, расположенных неподалеку от города.

Иначе говоря, *Саблин сумел совершить важные подготовительные действия, несмотря на то, что ему мешали и нехватка времени, и личное участие в боевых действиях флота, и крайний недостаток ресурсов, и тяжёлая болезнь.* Это достойно доброй памяти.

Оценим же, какова польза от жертвенных трудов М.П. Саблина для Белого движения – в человеческих жизнях и в спасённых им ресурсах.

Это разумеется, все 150—160.000 тысяч беженцев Крымской эвакуации 1920 года.

Это колоссальный список коммерческих пароходов, уведённых из Крыма и впоследствии поработавших на Белое дело.

Это весь боевой и вспомогательный состав Русской эскадры, ушедшей в Бизерту. В том числе 1 новейший линкор («Генерал Алексеев»), 1 эскадренный броненосец («Георгий Победоносец»), 2 крейсера – «Генерал Корнилов» (бывший «Кагул») и «Алмаз»³, пять новых эсминцев-«нефтяников»⁴, четыре подводных лодки, два устаревших, но боеспособных эсминца-«угольщики»⁵, две канонерские лодки, громадный транспорт-мастерская «Кронштадт», а также множество не столь именитых боевых кораблей и вспомогательных судов; Русская эскадра в Бизерте, таким образом, равнялась по боевому потенциалу целому флоту небольшой морской державы того времени – Турции, например, или Греции (конечно, после необходимого ремонта и технического обслуживания).

И это, разумеется, люди, спасённые не только для эмиграции в целом, не только для «Русского мира», переселившегося из большевистской России в дальние края, но и конкретно для русского флота и флотских традиций: всё это в начале 1920-х ещё могло возродиться, могло послужить продолжению борьбы, и не Саблин виноват в том, что ничего подобного не произошло.

³ Легкий крейсер «Алмаз» в литературе время от времени называют то «яхтой», то «посыльным судном», но вполне крейсерская 120-миллиметровая артиллерия главного калибра заставляет классифицировать его именно как крейсер.

⁴ В том числе один недостроенный и не введённый в строй – «Цериго».

⁵ Эсминец «Жаркий» требовал капитального ремонта.

Специалисты по истории белой эмиграции очень хорошо знают, что главным сосредоточением моряков-эмигрантов, вывезенных из врангелевского Крыма, стал небольшой городок в Тунисе – Бизерта. Там функционировал кадетский корпус, выпускавший из своих стен молодых морских офицеров, там стояла на якоре огромная эскадра, там разместились тысячи офицеров, матросов, морских чиновников, их жен и детей. По данным белого морского офицера, капитана I ранга Н.Р. Гутана, Бизерте оказалось 6.388 беженцев из России, в то числе 5.000 офицеров, учащихся Морского кадетского корпуса и нижних чинов, 13 священников, 90 докторов и фельдшеров. Среди морских чинов, прибывших в Бизерту до 25 января 1921 года, там поселилось 2 вице-адмирала и 7 контр-адмиралов. Более того, именно в Бизерте, усилиями и, в какой-то степени руками бывших военных моряков Российского императорского флота в 1938 году был возведен каменный православный храм, освященный во имя св. благоверного князя Александра Невского. Всё это – прямые и весьма значимые последствия деятельности М.П. Саблина.

Вторым по значимости после Бизерты местом жительства русских моряков-эмигрантов стало Королевство СХС. Если бизертинцы не оставляли мыслей о том, что новый раунд борьбы с красным правительством России еще возможен, пытались сохранить корабли в работоспособном состоянии, подумывали о деятельном противостоянии большевикам, то в Королевство СХС отправляли тех, кто собирался спокойно дожить век или, если Бог даст, устроиться на приличную службу, но не помышлял об активном продолжении войны. Поэтому среди моряков-беженцев здесь высокий процент составили люди преклонного возраста, да и просто старики; люди семейные; военные и чиновники высокого ранга, избыточные для бизертинской эскадры, где хватало молодых людей в офицерских чинах, пригодных для энергичного выполнения боевых и административных задач. Для стариков эмиграция на земли южных славян явилась спасительной с двух точек зрения: они не только избежали расправы на родине, но еще и

обзавелись пристанищем, кровом, куском хлеба в условиях, когда родная страна отвернулась от их прежних заслуг и прокляла их недавнюю борьбу.

В Королевство СХС было направлено 3 волны русской морской эмиграции: «сербская», «английская»⁶ и – самая большая – крымская. К 1 июля 1921 года в стране собралось 339 чинов флота и Морского ведомства России, а также сравнимое количество членов их семей. Только на одном пароходе «Владимир» отправилось в эмиграцию еще 139 морских офицеров и чиновников, в том числе 12 человек в адмиральских чинах, т.е. даже больше, чем оказалось их среди бизертинцев (!). Их сопровождали жены, дети и другая родня. Со временем «морская эмиграция» в Югославии постепенно уменьшалась (это видно по спискам чинов флота и Морского ведомства, поселившихся там) из-за смерти старейших и слабейших здоровьем ее членов, а также из-за выезда в другие страны, но все же очень долго оставалась значительной. Судя по спискам 1921—1922 годов на земли Королевства СХС тогда эмигрировали следующие русские адмиралы: а) контр-адмиралы Свешников, Травлинский, Григорьев, Сергеев, Дитерихс, Степанов, Циммерман и Евдокимов; б) вице-адмиралы Крафт, Ненюков, Вяткин и Скаловский.

У всех этих людей имелись очень веские причины для благодарного отношения к памяти М.П. Саблина. Когда-то либо он, либо Врагель приютили их на Черноморском флоте, а потом Михаил Павлович сделал так, что у флота нашлось достаточно кораблей, угля, масла для их доставки в дальние края.

Вице-адмирал М.П. Саблин, стоит повторить, последним из русских морских военачальников был похоронен под сводами «Собора адмиралов» в Севастополе. Это, конечно, великая почать. Однако сегодня настало время поразмыслить об отдельном памятнике Михаилу Павловичу – в силу его неопределимых заслуг и перед Черноморским флотом, и перед всей огромной

⁶ Имеются в виду потоки эмигрантов из Одессы и Новороссийска.

массой эмигрантов, вывезенных Русской эскадрой в дни Великого Исхода, а значит, спасенных от беспощадной расстрельщины большевиков.

100-летие Крымской эвакуации – достойный повод для этого.